

*Ю. Д. Коробков (Магнитогорск, Россия)
Н. С. Королев (Челябинск, Россия)*

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. На политическое развитие общества всегда влияет комплекс различных факторов. Особое значение среди них имеет ментальная составляющая, которая во многом корректирует направление и содержание политического процесса, политические курсы современных партий и риторику их лидеров, заставляет не только считаться с особенностями национальной психологии, но и корректировать в соответствии с ними свои стратегические задачи и тактические установки. Это делает актуальной проблему выявления тех черт национального менталитета, которые становятся его «несущей конструкцией», оказывают реальное, а не мнимое конъюнктурно-ситуативное влияние на характер и векторы развития политической системы. В статье проводится сравнительный анализ исторического материала и данных современных социологических опросов, позволяющий установить вневременное устойчивое ядро политической психологии масс. Делается вывод о том, что социально-психологической основой современного российского политического процесса можно считать ряд черт: терпение, как качество с потенциальной способностью выливаться в различные по форме и мощности социальные конфликты; переплетение в сознании российского человека государственного и анархического начал; сочетание потребности народа в сильном государстве с общим равнодушием к власти; восприятие существования государственной власти и общества в параллельных измерениях; исключительно потребительское отношение к государству; культ лидера как элемент национальной психологии и способ психологической защиты масс в неравном диалоге с властью; «судейский комплекс», затрудняющий достижение общенационального согласия; и, наконец, особенности трудовой морали, с которыми еще в середине XIX в. эксперты связывали неудачи российских реформ. Широкий спектр особенностей ставит перед российским руководством, с одной стороны, задачу постоянной коррекции политического курса с учетом указанных черт национального менталитета, с другой – требует целенаправленной работы по его точечному реформатированию в соответствии с тенденциями современного развития.

Ключевые слова: политический процесс, менталитет, государство, общество, политический лидер, судейский комплекс.

Содержание, направленность, характер любых общественных преобразований зависят от особенностей национального характера, устойчивых поведенческих стереотипов, сформированных в веках социально-психологических кодов восприятия и освоения человеком действительности и своего места в ней. В полной мере это относится к развитию политического процесса в современной России, чей вектор напрямую связан со спецификой национального менталитета, поддерживавшего многовековые монархические, а также и советские политические традиции.

При этом длительность и устойчивость основных черт национального характера не означает их неизменности и неподвижности. Под влиянием новых исторических реалий, современных тенденций мирового развития и необходимости человека адаптироваться к ним происходит частичное изменение одних черт, наполнение новым содержанием других. Происходит реструктуризация иерархии основных компонентов национального характера, изменение соотношения терминальных и инструментальных ценностей. Указанные процессы требуют определенной «ревизии» содержания и структуры менталитета российского человека: определения его «несущих конструкций», разграничения центра и периферии, постоянных и переменных (конкретно-ситуативных) черт и, в конечном счете, выделения устойчивого системообразующего ядра.

Как показывает современная практика, некоторые политические стереотипы россиян, традиционно ассоциированные с ментальными константами, во многом порождены особенностями политического процесса и социально-экономического развития постсоветской Рос-

сии. Идеи произвола власти, ее тотальной коррумпированности, негативные образы государственных чиновников имеют давние исторические и психологические корни. Во многом они сформированы СМИ (72 % россиян в 2004 г. считали, что большинство чиновников воруют), паразитирующими на состоянии фрустрации значительной части населения и стремлении людей как-то объяснить свое бедственное положение.

Стереотип об исконно русской ориентации на социальную поддержку и государственную защиту детерминирован не столько политической и ментальной традицией, сколько социально-экономическими условиями существования российского населения, социальной незащищенностью граждан. По данным Левада-Центр, доля россиян, считавших, что государство должно больше заботиться о них, выросло в период 1990–2008 гг. с 57 % до 82 % [5, с. 27]. Положение дел в стране влияет и на степень распространенности в обществе великодержавного комплекса, который характеризовал значительные сегменты массового сознания на российском дореволюционном и советском пространстве. В кризисной ситуации 2008–2010 гг. уверенность россиян в великом будущем страны снизилась с 50 % до 36 % [19, с. 14].

Вызывают сомнения тезисы некоторых специалистов об обусловленности низкой правовой культуры русских людей ментальной составляющей и об их правовом нигилизме, рождающемся в глубинных слоях психики нашего народа. На самом деле причины данного феномена определяются отсутствием в России развитого гражданского общества, основанного на общественном мнении и общественном контроле, а также отсутствием опыта жизни в правовом государстве на всем протяжении отечественной истории. В этом нас убеждает два момента, обнаруженные при сравнении правовой культуры россиян и законопослушных европейцев в аспекте специфики современного российского правосознания. В первом случае неукоснительное соблюдение европейцами закона распространяется только на отношения между согражданами, а для иностранцев действуют двойные стандарты. Более того, переселившись в Россию, европейцы теряют свою законопослушность, и их правовая практика становится идентичной российской. Во-вторых, современные социологические опросы фиксируют рост устойчивой потребности массового сознания в законности и порядке, проявляющийся в реакции народа на присущие российскому правовому пространству безнаказанности, вседозволенности, произвола и беззакония.

В ряде случаев заметно, что исследователям не хватило конкретного исторического материала: выводы грешат определенной подгонкой свидетельств прошлого под современные представления, схематизмом и догматизмом. В частности, корректировки требует тезис некоторых экспертов о том, что к числу факторов, тормозящих современное экономическое развитие в России, относятся общинные ценности и идеалы россиян, которые якобы блокируют рыночные установки массового сознания. Между тем, даже значительная часть пословиц и поговорок русского народа указывает на ориентацию социальных низов на «достижительно-накопительные» ценности [8], которые наряду с «антирыночными» составляли единое противоречивое целое массового сознания сельской общины. Указывая на стремление значительной части крестьян к богатству и успеху, такой известный знаток крестьянской психологии, как А. Н. Энгельгард отмечал, что «известной долей кулачества обладает каждый крестьянин, за исключением недоумков да особенно добродушных людей и вообще “карасей”. Каждый мужик в известной степени кулак» [23, с. 47].

Не подтверждается историческим материалом и положение о том, что снижение уровня жизни и рост массового недовольства неизбежно должны вызывать усиление политической активности населения, хотя бы в виде стихийных акций протеста. В частности, в годы первой российской революции на Урале наибольшую забастовочную активность проявляли рабочие предприятий с высоким уровнем заработной платы [7, с. 203]. Об отсутствии массовых проявлений протеста в условиях резкого снижения жизненного уровня свидетельствует и современная российская действительность.

Требует определенной корректировки и верификации с помощью конкретно-исторического анализа так называемый наивный монархизм, часто выделяемый в качестве

устойчивого компонента массового сознания. Вывод об устойчивости данного явления не поддерживается наметившимся в еще пореформенной России XIX в. процессом десакрализации образа монарха. Вывод о деформации образа основывается на регулярных полицейских донесениях в вышестоящие инстанции. Такие сведения начали фиксироваться охранительными органами после отмены крепостного права и выражались в оскорблениях личности монарха («*Наш государь слаб*», «*Наш государь дурак*»), обвинениях императора в поощрении социальной несправедливости и подрыве национальных интересов страны; а также в прямых в призывах к убийству царя («*В самом-то царе нет никакой правды, его стоило бы застрелить*», «*Убили великого князя Сергея Александровича, теперь надо убить государя*», «*Нас, крестьян, правительство сажало, а виною всему – дом Романовых*», «*Государь продал Россию Японию*»¹) и ликвидации самодержавия как государственного института («*Романовы за 300 лет ничего не сделали для крестьян..., нам надеяться не на что, а брать надо все силой*», «*Нам не нужно царя, министров, никакого начальства*», «*Не надо царя, долой самодержавие*»²).

Это ставит под сомнение научную обоснованность утверждения о генетической ориентации русских людей на сильную власть как самоцель. Так, желание 90 % современных россиян иметь во главе государства дееспособного лидера может быть связано не с ностальгией по сильной руке, а с надеждой на создание такого порядка, который бы максимально способствовал реализации общенациональных, групповых и личных интересов [3, с. 49]. Это утверждение, на наш взгляд, коррелируется с тезисом о мифологизации образа монарха как способа психологической защиты народа в условиях его постоянного конфликта с государственной бюрократией [11, с. 354]. а также подтверждает вневременную ориентацию массового сознания на сильную власть как средство достижения достойной жизни.

Многие установки современного массового сознания соотносимы с представлениями социальных низов дореволюционной России и действительно сохраняют пространственно-временную устойчивость. Возможно, самой важной и стабильной из них следует считать способность народа к длительному терпению. В реальной жизни это означает, что реакцией человека на возникающие трудности и сложности являлась не депрессия, отчаяние и разочарование, не актуализация борьбы, а «*вживаемость*» в ситуацию и «*выживаемость*» в ней. Как писал И. Сикорский, «с психологической точки зрения терпение представляет собой напряжение воли, направленное к появлению физического или нравственного страдания, отсутствие сентиментальности, стоическая покорность судьбе и готовность страдать» [18, с. 12]. Терпеливость русского человека являлась своеобразной формой его адаптации к постоянным природным и общественным катаклизмам, сопровождавшим русскую историю на всем ее протяжении. Большую роль в ее формировании сыграли религиозные мотивы смирения и покорности судьбе, божественного воздаяния за страдание.

Многотерпение российского человека неоднозначно отразилось на развитии общества. С одной стороны, оно обеспечивало физиологическое и психическое выживание людей в трудных условиях, устойчивость их духовного мира, а также позитивно влияло на стабилизацию социальных отношений на Руси [1, с. 32]. С другой - оно оказывало негативное влияние на российскую государственность. Способность русских людей адаптироваться к самым различным ситуациям ослабляло импульс перемен, снижало их энергию и инициативу как в производственной, так и в общественной деятельности. Терпение становилось почвой социальной апатии, вело к стремлению довольствоваться малым, уповать на обстоятельства, удачу, внешние силы. Оно означало определенное примирение с недостатками, несправедливостью бытия и тяготами жизни, т. е. выступало в качестве своего рода компенсаторного механизма.

Оборотной стороной длительного терпения является концентрация энергии социального взрыва, которая, доходя до критической массы, приводит к мощным социальным потрясениям, нередко принимающим крайние формы экстремизма, анархии, безудержного разгула и

¹ ЦГИА РБ Ф.187. Оп. Д.128. Л.178.

² ЦГИА РБ Ф.187. Оп.1 Д.241. Л.11.

разрушения основ бытия, как это было в России начала XX в. Оно превращается в стихию тотального отрицания, примером которой и является бессмысленный и беспощадный русский бунт. В результате одна крайность порождает другую.

Данные современных социологических опросов свидетельствуют о том, что умение стойко и терпеливо переносить удары судьбы до сих пор остается одной из базовых черт национального менталитета в постсоветской России [17, с. 76], влияет во многом на отношение россиян к происходящим событиям, отражается на выборе ими способов социальной рефлексии.

С многотерпением русского человека связана и его потребность в сильной власти, твердой руке и мощном государстве в целом. Исторически данная потребность определялась особенностями социализации российского человека, сложившимися в древности отношениями личной зависимости, разветвленной системой экономического и, в основном, внеэкономического принуждения. В силу этого в основе самоутверждения человека, его отношения к другим лежали различные проявления физической и духовной силы, которые формировали межличностные связи и были основным механизмом существования российского социума. Такие проявления привели к недостаточному развитию политико-идеологических и социально-психологических приемов нахождения общественного консенсуса, взаимоприемлемых решений, что в свою очередь создавало дополнительную почву для сохранения «силового» государства.

Оборотной стороной государственного ментального начала русского человека всегда являлись эмоциональные всплески различной степени, бегство, бунт, различные формы протеста, возникающие как реакция на социальную несправедливость, постоянное давление государства и сменяющиеся успокоением и примирением с властью. Любой период «воли» заканчивался «самоконсервацией» низов или реставрацией прежних отношений. Таким образом, государственность русского человека можно считать определяющим, базовым компонентом его политической психологии. Периодические всплески недовольства властью, различные по мощности и виду социальные протесты, регулярно происходившие в российской истории, следует расценивать не только как формы массового конфликтного поведения в социально-политическом аспекте, но и как средство психологической разгрузки. Скопившийся в поколениях груз негативных эмоций выплескивался наружу и был своеобразной формой «учи» для всех уровней власти, которые должны были осознавать, что при всем долготерпении народа с ним все-таки необходимо считаться.

В свою очередь, государственность русского человека являлась вынужденным следствием его анархической природы и неорганизованности, отсутствия чувства меры и внутренних источников самоорганизации, саморазвития, а также неспособности самостоятельно обуздать свою буйную натуру. В этих условиях потребность во внешней силе, способной добиться национального единства путем введения жестких общественных норм, ритуалов, внешнего принуждения, а то и прямого насилия становится объективной необходимостью. В неспособности русского человека к самоорганизации, самоограничению и самодисциплине, возможно, кроется ответ на вопрос Н. А. Бердяева: почему «самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность <...>, самый анархический народ так покорен бюрократии <...>, свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни» [2, с. 74].

О вневременной устойчивости данного ментального параметра и о необходимости включения его в число системообразующих черт «духовного и умственного строя» русского народа говорят данные многочисленных социологических опросов населения современной России. Отмечается тенденция к усилению «запроса к государству на рост его ответственности за положение населения и на более активную роль в экономике» [12, с. 130]. С 2004 по 2008 гг. уровень патерналистских притязаний населения России вырос с 68 % до 81 % [20, с. 56]. Эта ситуация сохраняется и в настоящее время.

Как отмечалось, другой стороной многовекового этатизма является слабость демокра-

тической традиции в политической культуре и менталитете масс. Наблюдается сходное отношение россиян к демократии на до- и постсоветском пространстве. В частности, в марте-сентябре 1917 г. в содержании резолюций митингов и собраний, проходивших на промышленных предприятиях Урала, требования демократических свобод составляли всего 4,8 % [7, с. 196]. Аналогичную ситуацию фиксируют данные постсоветских социологических опросов. В них отмечается, что такие демократические ценности, как свобода высказывания, совести и вероисповедания находятся на периферии общественного сознания и заметно уступают требованиям права на жизнь: в конце 90-х годов - праву на безопасность, труд и его справедливую оплату [10, с. 13], в 2013 г. - на безопасность, порядок, законность и мир [22, с. 65].

Потребность в сильном государстве противоречиво сочеталась с общим равнодушием к власти. Эту особенность в 1859 г. сформулировал К. С. Аксаков: «Правительству – неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая, народу – полная свобода жизни и внешней и внутренней, которую охраняет правительство»³. Отчуждение масс от политики имело как следствие эффект «двойного дна» в сознании, для которого были характерны внешняя лояльность при внутренней оппозиции или равнодушии, максимальная приспособляемость к любой, даже непопулярной и чужеродной власти, генетическое недоверие к государству и его институтам и, как это ни парадоксально, слабая укорененность идеи государственной власти вообще, от которой по большому счету требовалось только одно – не мешать жить по-своему. Характеризуя эту особенность российского диалога власти и общества, А. М. Горький отмечал многовековую мечту русских крестьян о «каком-то государстве без права влияния на волю личности <...>, о государстве без власти над человеком»⁴.

Особенность взаимоотношений власти и социума, которую С. М. Медведев охарактеризовал как сосуществование в «параллельных измерениях», присуща и современному российскому обществу. В России, указывает автор, «складываются своеобразные отношения между властью и народом: народ, оставляя за собой право критиковать людей, стоящих у власти, не вступает с ней в открытый конфликт и даже поддерживает ее. Одновременно он позволяет себе по-своему мстить, вырабатывая неполитические пути и способы игнорировать ее» [14, с. 97]. Причинами такого отношения к государству стали не только ментальные параметры сознания, но и многовековое невнимание к народным интересам со стороны власти.

Одновременно обнаруживается потребительский подход масс к государству. Российская пресса в 1917 г. отмечала, что «с первых дней революции все и рабочие, и крестьянство, и мещане требуют от правительства – дай»⁵. Квинтэссенция принципов потребительского отношения к государству емко и точно сформулирована в пословицах и поговорках: *Мы у матушки России детки, она наша matka - ее и сосем; Казна - бочка без дна; Казна шатущая корова - не доит ее ленивый; Казенное страшно: подержал, да и за пазуху; «Государева казна – не убогая вдова, ее не оберешь, всем достанется»*⁶.

Современные социологические опросы демонстрируют вневременную устойчивость данного ментального параметра в массовом сознании жителей России. В 2003 г., по данным В. Э. Бойкова, 36,7 % опрошенных россиян морально оправдывали такой обман государства как уклонение от уплаты налогов [3, с. 47]. Об этом же свидетельствуют высокий уровень коррупции во всех эшелонах власти, массовое воровство, расхищение национальных средств и ресурсов «государевыми слугами».

Еще одной характерной чертой российской ментальности, прямо указывающей на особенности российской государственности, является культ лидера. Эта черта выражается в представлении о особом могуществе и огромных возможностях, а также в безграничной вере в вождя. Полное доверие, убежденность в истинности или неизбежности действий лидера часто имеет полумистический, бессознательный характер персонифицированной зависимо-

³ Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II // Очерк русской философии истории. Антология. М.: Ин-т философии РАН, 1996. С. 166.

⁴ Горький А. М. О русском крестьянстве // Русская жизнь. 2007. № 6. С. 20-23.

⁵ Пермская жизнь. 1917. 28.сентября.

⁶ Пословицы русского народа. М.: Художественная литература. В. И. Даль. 1989. Т.1- 431 с. Т. 2- 443 с

сти и подчинения. Как известно, указанный культ формировался на всех этапах социализации человека, начиная с семьи, где безоговорочным лидером выступал ее глава; затем через общинные отношения, в рамках которых единичное подчинялось целому; наконец, через личную зависимость от помещика до универсальной зависимости от царя как воплощения абсолютной власти. Не случайно, иностранцев, живших в России еще во времена Ивана IV, удивляло, как «при такой жестокости может существовать такая сильная любовь народа к нему, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки» [4, с. 90]. Спустя несколько веков на парадоксальность подобной ситуации в николаевской России первой половины XIX в. указывал Н. К. Михайловский. Отмечая появление незначительного слоя критиков николаевского режима, он констатировал, что именно на 30–40-е годы XIX в. приходится наиболее восторженные отзывы русских ученых и публицистов об одном из самых деспотичных русских правителей [15, с. 127].

Социальный запрос на сильного лидера всегда возрастал в критически-переломные и переходные этапы российской истории. Об этом можно судить по социологическим замерам начала 1990-х гг. [14, с. 96]. Эту же закономерность подтверждают заведомо высокие рейтинги В. В. Путина в 2014–2015 гг.

На процесс массового выбора лидера влияет комплекс разнородных, рациональных и иррациональных факторов. К первым мы относим влияние черт личности, причем здесь тоже можно говорить о вневременной устойчивости набора его качеств. Повторяемость состава личностных характеристик идеального лидера просматривается и на уровне фольклора и в официальной статистике. Так, в уральских сказах и притчах XIX в., в которых упоминаются справедливые начальники, делается упор на профессионализме, трудолюбии, патриотизме, демократичности и скромности последних в общении с подчиненными, упоминается чувство юмора, находчивость и выдержка [9, с. 112–116]. Современные россияне отмечают как приоритетные те же деловые, профессиональные, морально-психологические качества Президента В. В. Путина [21, с. 50].

Большую роль в восприятии лидера играют эмоциональные мотивы, спрятанные в глубинах подсознания: обывательские страхи и стереотипы, стремление к упрощению ситуации и сокращению времени решения назревших проблем. На решающие предпочтения масс нередко влияет фактор дефицита лидеров. О парадоксальности подобной ситуации для лидерского общества в свое время писал В. И. Ленин, об этом же говорят и современные специалисты [16, с. 29].

Другой вариацией упрощения социальной реальности, тесно связанной с универсальной социально-психологической оппозицией «мы – они», является комплекс «поиска врага», который стал устойчивым компонентом и механизмом развития и функционирования массового сознания. С известной долей условности образ врага можно считать заложенной в человеческой природе, биологически обусловленной чертой социальной психологии, универсальным средством мобилизации масс в кризисных ситуациях. Возникший на ранних этапах мировой истории, он до сих пор остается одним из основных атрибутов политической мифологии – атрибутом ответственности. В России эффективность риторики врага и массовый характер тиражирования его различных образцов и образчиков были связаны с инерционно-мобилизационным типом развития в рамках догоняющей модернизации, социокультурным разрывом общества, дефицитом общепринятых ценностей, внутренних духовных скреп, которые связывают различные части социума в единое целое. Постоянно переживаемый вследствие данный комплекс национальной или социальной неполноценности компенсировался агрессивностью, демонстрацией силы, ориентацией на поиск врагов и закреплял эти установки массового сознания в качестве социально-политических стереотипов.

При этом враг становился не только фактором активизации и сплочения общества, но и фундаментальной основой его внутренней организации. В формировании комплекса врага всегда были заинтересованы и власть, и массы: вся история послепетровской России представляет собой бесконечную череду образов врагов. Изобилует примерами проявления ком-

плекса с обеих сторон советская история, однако и до 1917 г. таких примеров хватало (социалисты, бомбисты, масоны, Европа, евреи, поляки, буржуи и т. п.). Конгломерат внутренних (олигархи, чиновники, коррупционеры, либералы, коммунисты) и внешних врагов (Европа, США, террористы, бандеровцы и др.) представляет собой данный комплекс в современной России. В конечном счете, можно говорить о превращении этого социально-психологического механизма в одну из черт российской ментальности, которую специалисты определяют понятием судейского комплекса, а массовое сознание - извечным русским вопросом «Кто виноват?». Комплекс врага, как атрибут ответственности в политической мифологии, формирует «стрелочное» сознание на всех этажах социальной лестницы российского общества.

Одним из основных системообразующих ментальных факторов инерционно-мобилизационного типа развития российского государства является трудовая этика. По свидетельству многочисленных и разнопорядковых источников можно однозначно говорить об определяющей роли труда в жизни народа. Крестьяне интенсивно трудились не только в весенне-летний период, но и в течение всего года, большинство различных видов досуга сопровождалось полезным трудом на себя по принципу «Хорошо поработать – хорошо отдохнуть». Главной особенностью национальной трудовой культуры являлся ее мобилизационный характер. Прочитываем здесь известное высказывание В. О. Ключевского по этому поводу: «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному постоянному труду, как в той же Великороссии» [6, с. 314]. Решающее влияние на формирование трудовой этики россиян оказали природно-климатический и конфессиональный факторы. Суровый климат, трудности освоения окружающего ландшафта, короткий и неустойчивый сельскохозяйственный цикл и необходимость выполнения большого объема работы в сжатые сроки объективно требовали максимальной концентрации сил и трудовых усилий и превращали аграрный труд в битву за урожай. В отличие от протестантской традиции православие проводило четкую разграничительную линию между духовным и материальным и не одобряло конвертацию делового успеха в общепринятые поведенческие практики. В результате в системе ценностей россиян труд не занимал столь высокого места, как в протестантской культуре не потому, что русский человек не хотел и не умел продуктивно работать, а потому что смыслом его существования являлись не богатство и накопление капитала, а праведная жизнь: он работал только для удовлетворения своих минималистских потребностей. «Сытно есть, жить в хорошей избе, спать вдоволь», «Быть обогретыми, сытыми, обутыми и одетыми», - так формулировали цели своей трудовой деятельности уральские рабочие в конце XIX в.⁷ Рваный трудовой ритм и «разорванная» трудовая мораль, допускавшая избирательность трудовых усилий при работе на себя и на других, определяли трудовой облик рабочих и крестьян пореформенной России. В ходе его научного анализа, как правило, внимание сосредотачивалось чаще на «этике праздности» традиционного человека, характеризующей его отношение к труду. Трудовой облик российского работника в таких исследованиях определялся как переходный от традиционного к индустриальному типу. Трудящихся Советского Союза между тем отличала инерционно-мобилизационная этика: визитной карточкой трудового ритма промышленных предприятий в рамках плановой регулярной экономики были постоянные авралы и штурмовщина. Такая же трудовая стратегия отличает и современных россиян. Все это дает основания говорить не о затянувшемся переходном характере российского работника, а о ментальной обусловленности его трудовой этики, т. е. о ее присутствии в глубинных слоях психики наших граждан.

Данные черты российской ментальности, имеющие вневременной характер, необходимо учитывать как при выработке стратегии современного государственного строительства, так и при решении актуальной для современной России проблемы активизации человеческого

⁷ РГИА Ф.37. Оп.64. Д.1597. Л.3.

фактора и подключения его к решению общественных проблем. Это особенно важно для современной российской молодежи, которая в большей степени, чем другие категории населения, ориентирована на западный путь развития и его ценности, но по мере ее социализации растет понимание особого пути России [12, с. 130] и зависимости векторов дальнейшего развития страны от базовых социокультурных и психоментальных констант нашего массового сознания.

Выявление действительных, а не мнимых особенностей национальной психологии, ее основополагающих ценностей и их смыслообразующего ядра, использование опыта мирового и отечественного модернизационного процесса дают возможность избежать соответствующих «ловушек» и конфликтов традиционных, модернистских и постмодернистских ценностей. Это знание позволяет опираться при разработке стратегии нынешних реформ на устойчивое ценностное ядро, вести целенаправленную селекционную работу в области явных и потенциальных реформаторских ценностей, минимизировать негативное воздействие на общественные процессы антиценностей (с учетом дуализма русской души). Еще в 60-х гг. XIX в. К. Д. Кавелин писал о необходимости выращивать базовые черты истинно русского сознания, опираясь на общее в психическом развитии человечества [13, с. 53], в современной социально-политической литературе это становится общим местом. Однако проблема еще далека от своего разрешения, так как требует совместных усилий всех заинтересованных сторон - и экспертного сообщества, и представителей государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барулин В. С. Российский человек в XX в. Потери и обретение себя. СПб.: Алетейя, 2000. 431 с.
2. Бердяев П. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 223 с.
3. Бойков В. Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 47–49.
4. Випер Р. Иван Грозный. М. : изд-во «Дельфин», 1922. 164 с.
5. Волобуев О., Тишков В., Игрицкий Ю. Национальные интересы России и реальные приоритеты государственной политики за полтора века. Круглый стол // Отечественная история. 1996. № 5. С. 121–134.
6. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: АИТО–XX, 2008. 381 с.
7. Ключевский В.О. Лекция XVII. Соч. В 8 томах. М.: Наука, 1956. Т.1. С. 292–315.
8. Коробков Ю. Д. Политический выбор и политическое поведение уральских рабочих в 1917 г. // Проблемы российской истории. 2004. № 3. С. 196–216.
9. Коробков Ю. Д., Гневэк О.В. Богатство и материальное благополучие в системе ценностей уральских рабочих в конце XIX–начале XX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XI. М., Магнитогорск. 2001. С. 403–413.
10. Лазарев А. И. Рабочий фольклор Урала: Об основных типах становления и развития нового типа художественного мышления народа. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1988. 290 с.
11. Левада Ю. Феномен власти в общественном мнении: Парадоксы и стереотипы восприятия // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1998. № 5. С. 12–19.
12. Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 288 с.
13. Мареева С. В. Динамика норм и ценностей россиян // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 120–131.
14. Марцинковская Т. Д. Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М.: Блиц, 1994. 155 с.
15. Медведев С. М. Российский электорат конца 90-х годов: некоторые стереотипы сознания // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 91–99.
16. Пригожин А. И. Патология политического лидерства в России // Политические исследования. 1996. № 3. С. 23–29.

17. Сикевич З. В., Крокинская Д. К., Поссель Ю. А. Петербуржцы – 2004: культурный конфликт современности (социологические очерки). СПб.: Питер, 2004. 327 с.
18. Сикорский И. А. Черты из психологии славян: Речь, произнесенная проф. И. А. Сикорским, в торжественном заседании Славянского благотворительного общества 14 мая 1895 года. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1895. 15 с
19. Урнов М. Ю., Касамара В. А., Соболев А. С., Соболева И. В., Сорокина А. А. Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики – построение эмпирической модели: препринт WP/2011/01: Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 64
20. Урнов М. Ю. Роль культуры в демократическом транзите // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6. С. 5–16.
21. Шестопап Е. Б. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия // *Политические исследования*. 2013. № 3. С. 47–57.
22. Шестопап Е. Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // *Политические исследования*. 2014. № 2. С. 61–71.
23. Энгельгард А. Н. Письма из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Гос. соц-экон. изд-во, 1937. 491 с.

Yu. D. Korobkov (Magnitogorsk, Russia)

N. S. Korolev (Chelyabinsk, Russia)

MENTAL BASES OF SOCIAL AND POLITICAL DEVELOPMENT OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. Within the concept of the Annales School, and other social-psychological theories the concept of macro-historical stability of the national set of mind approve and its enormous influence on the course of social development has established in science. However, the stability and persistence of the national mentality does not mean that it is a timeless stillness and immutability. Under the influence of the new historical reality, there is a certain adjustment of the individual components of the mental space and a change of the relationship. It often and most clearly presents in the transitional stages of development. It updates the task of identifying the core of the national set of mind at every stage of the historical process and its constant monitoring. It's impossible to solve the problem without carrying out the tests of basic elements of the national set of mind at different stages of development of the country. It allows to sum up the fundamentals affecting the evolution of society. Carrying out this research of historical sources of the XIX century the authors could emphasize the features of the national set of mind which has been influencing the policy of the Russian authorities for several centuries. They include patience, which is the psychological basis of the centuries-old authoritarian tradition in Russia and uncivilized forms of social protest; a special relationship to the state, which is also a major source of hope for a brighter future, and the main culprit of Russian problems. Consumer attitude towards the state and the lack of democratic traditions have led to the formation of society and the leadership of the cult leader's psychology. Massive expectations of positive changes are directly linked with the figure of the head of state; judicial complex, which is in constant search for enemies that are necessary for explaining social failure and the method of consolidation of the society. The authors emphasize the particular work ethic which consists of the lack of the interest-bearing motivation, labor ragged rhythm and the selectivity of the labor force to work for themselves and others.

Keywords: Political process, the national set of mind, the state, society, political leaders, judicial complex.

REFERENCES

1. Barulin V. S. Rossiiskii chelovek v XX v. Poteri i obretenie sebya, Saint Petersburg, Aleteiya, 2000, 431 p.
2. Berdyaev P. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma, Moscow, Nauka, 1990, 223 p.
3. Boikov V. E. Tsennosti i orientiry obshchestvennogo soznaniya rossiyan, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2004, no. 7, pp. 47–49.
4. Viper R. Ivan Groznyi, Moscow, izd-vo «Del'fin», 1922, 164 p.
5. Volobuev O., Tishkov V., Igritskii Yu. Natsional'nye interesy Rossii i real'nye priority gosudarstvennoi politiki za poltora veka. Kruglyi stol, Otechestvennaya istoriya, 1996, no. 5, pp. 121–134.
6. Gudkov L. D., Dubin B. V., Zorkaya N. A. Postsovetskii chelovek i grazhdanskoe obshchestvo. Moscow, AITO–XX, 2008, 381 p.

7. Klyuchevskii V. O. Lektsiya XVII. Soch. V 8 tomakh. Moscow, Nauka, 1956, vol. 1, pp. 292–315.
8. Korobkov Yu. D. Politicheskii vybor i politicheskoe povedenie ural'skikh rabochikh v 1917 g., *Problemy rossiiskoi istorii*, 2004, no. 3, pp. 196–216.
9. Korobkov Yu. D., Gnevek O.V. Bogatstvo i material'noe blagopoluchie v sisteme tsennostei ural'skikh rabochikh v kontse XIX–nachale XX v., *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], vol. XI, Moscow, Magnitogorsk. 2001, pp. 403–413.
10. Lazarev A. I. Rabochii fol'klor Urala: Ob osnovnykh tipakh stanovleniya i razvitiya novogo tipa khudozhestvennogo myshleniya naroda, Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1988, 290 p.
11. Levada Yu. Fenomen vlasti v obshchestvennom mnenii: Paradoksy i stereotipy vospriyatiya, *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: Monitoring obshchestvennogo mneniya* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 1998, no. 5, pp. 12–19.
12. Lur'e S. Metamorfozy traditsionnogo soznaniya. Opyt razrabotki teoreticheskikh osnov etnopsikhologii i ikh primeneniya k analizu istoricheskogo i etnograficheskogo materiala. Saint Petersburg, Tip. im. Kotlyakova, 1994, 288 p.
13. Mareeva S. V. Dinamika norm i tsennostei rossiyan, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 7, pp. 120–131.
14. Martsinkovskaya T. D. Russkaya mental'nost' i ee otrazhenie v naukakh o cheloveke. Moscow, Blits, 1994, 155 p.
15. Medvedev S. M. Rossiiskii elektorat kontsa 90-kh godov: nekotorye stereotipy soznaniya, *Rossiya i sovremennyi mir*, 2002, no. 2, pp. 91–99.
16. Prigozhin A. I. Patologiya politicheskogo liderstva v Rossii, *Politicheskie issledovaniya*, 1996, no. 3, pp. 23–29.
17. Sikevich Z. V., Krokinskaya D. K., Possel' Yu. A. Peterburzhtsy – 2004: kul'turnyi konflikt sovremennosti (sotsiologicheskie ocherki), Saint Petersburg, Piter, 2004, 327 p.
18. Sikorskii I. A. Cherty iz psikhologii slavyan: Rech', proiznesennaya prof. I. A. Sikorskim, v torzhestvennom zasedanii Slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva 14 maya 1895 goda. Kiev, tip. I. I. Chokolova, 1895, 15 p.
19. Urnov M. Yu., Kasamara V. A., Sobolev A. S., Soboleva I. V., Sorokina A. A. Tsennostnaya neodnorodnost' obshchestva kak faktor sotsial'noi dinamiki – postroenie empiricheskoi modeli: preprint WP/2011/01: Vysshaya shkola ekonomiki, Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2011, 64 p.
20. Urnov M. Yu. Rol' kul'tury v demokraticheskom tranzite, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2011, no. 6, pp. 5–16.
21. Shestopal E. B. Politicheskoe liderstvo v novykh usloviyakh: smena paradigmy vospriyatiya, *Politicheskie issledovaniya*. 2013, no. 3, pp. 47–57.
22. Shestopal E. B. Tsennostnye kharakteristiki rossiiskogo politicheskogo protsessa i strategiya razvitiya strany, *Politicheskie issledovaniya*, 2014, no. 2, pp. 61–71.
23. Engel'gard A. N. Pis'ma iz derevni. 12 pisem. 1872–1887. Moscow, Gos. sots-ekon. izd-vo, 1937, 491 p.

Коробков Ю. Д., Королёв Н. С. Ментальные основы социально-политического развития современного российского общества // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 43-52.

Korobkov Yu. D., Korolev N. S. Mental Bases of social and political Development of the modern Russian Society, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2018, vol. 2, no 3, pp. 43-52.

Сведения об авторах

Коробков Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Россия; n.kyakkinen-56@yandex.ru

Никита Сергеевич Королёв – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Челябинского государственного института культуры, Челябинск, Россия; korolev_ns_@mail.ru

Authors:

Yuriy D. Korobkov - Doctor of Sciences in History, Professor at the Department of World History, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; n.kyakkinen-56@yandex.ru

Nikita S. Korolev - Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of History of the Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia; korolev_ns_@mail.ru